Вестник ПСТГУ
III: Филология
2013. Вып. 4 (34). С. 93–109

Фонемы /ѣ/ и /ѡ/ в южнорусских говорах (инструментально-фонетическое исследование)[1]

Д. М. Савинов

В статье показано, что конститутивным признаком фонем /ѣ/ и /ѡ/ должно быть признано скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности). Семифонемная система вокализма может последовательно функционировать только при стабильном сохранении подобных дифтонгических образований. Фонетическая структура основных дифтонгов в соответствии с /ѣ/ и /ѡ/ обнаруживает полный параллелизм, что, во-первых, свидетельствует о дифтонгической природе гласного /ѣ/ в древнерусском языке; во-вторых, подтверждает мнение о том, что фонема /ѡ/ появилась как задний коррелят фонемы /ѣ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы.

Одной из наиболее ярких особенностей, характеризующей фонетические системы архаических русских говоров, является отличный от литературного языка набор гласных фонем: сохранение различения /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Сегодня семифонемный вокализм — реликтовая диалектная черта. Усиливающееся влияние литературной нормы, а также продуктивные тенденции языкового развития приводят к утверждению во многих локальных системах пятифонемного состава вокализма. Ареал говоров, сохраняющих наследие древнерусской эпохи — противопоставление /ѡ/ и /о/, /ѣ/ и /е/ не имеет достаточно четких очертаний, а сами архаические системы ударного вокализма обычно «встречаются только на разных ступенях деградации, в смешении с такими системами, где шестая и седьмая фонемы отсутствуют»[2].

---

[1] Работа выполнена в рамках госконтракта Министерства образования и науки РФ «Региональные системы русского языка в диахронии и синхронии (по данным письменных памятников и современных русских говоров)».

[2] *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 14. Утрата /ѣ/ как особой фонологической единицы характерна для большинства славянских языков: «... фонема ё /ѣ/, которая появилась в праславянский период в результате совпадения старого ē (> ё[1]) и дифтонга a̯ᵒi (> ё[2]), в разных праславянских диалектах отличалась исключительной фонетической нестойкостью и большим количеством артикуляционно-акустических особенностей, что стало причиной исчезновения этой фонемы в большинстве славянских языков и их говоров». *Півторак Г. П.* Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. Київ, 1988. С. 110.

Однако памятники письменности свидетельствуют о том, что большинство южнорусских диалектных систем имели в прошлом семифонемную модель вокализма; она отмечена в некоторых рукописях XVII века, имеющих рязанское, тульское, калужское, воронежское, елецкое происхождение[3]. На это же указывают и материалы современных говоров: так, более чем в половине текстов, приведенных в южнорусской звучащей хрестоматии[4], представлен семифонемный вокализм или следы его былого существования[5]. Широкое распространение в южнорусском наречии /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ подтверждается также косвенными данными. Некоторые системы яканья, сочетающиеся с пятифонемным вокализмом, могут сохранять в 1-м предударном слоге противопоставление [и] ~ [а] перед ударными [о] и [е] в зависимости от их этимологии. И хотя появление в первом предударном слоге того или иного звукотипа уже не обусловлено качеством гласного под ударением, эта зависимость реализуется опосредованно, как модель произношения определенных слов или грамматических категорий, что характерно для некоторых типов диссимилятивного, умеренно-диссимилятивного, ассимилятивно-диссимилятивного и диссимилятивно-умеренного яканья.

В современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/. «Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы .... Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора»[6]. Соотношение между частотностью и дистрибуцией подобных вариантов может быть различным, а их появление зависит как от экстралингвистических факторов, так и от факторов собственно языковых.

Противопоставление /ѣ/ ~ /е/, /ω/ ~ /о/, будучи оппозицией фонологической, должно обязательно *восприниматься* и достаточно последовательно *воспроизводиться*. В реестр фонем может быть включен только стабильный элемент языковой системы, когда предполагаемая фонема, будучи в составе определенных словоформ, в своей сильной позиции представлена звуком особого тембрального качества, отличного от реализации всех остальных фонем в тождественных позиционных условиях. Антропофоническое проявление тенденции к максимальной дифференциации фонем «заключается в требовании более чет-

[3] *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963. С. 28–52; *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969. С. 24–32; *Галинская Е. А.* Историческая фонетика русских диалектов. М., 2002. С. 200–201.

[4] Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

[5] *Касаткина Р. Ф.* Южнорусское наречие. Новые данные // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 98.

[6] Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 189.

кого произношения, воспроизведения именно тех физических характеристик, с помощью которых дифференцируются, различаются данные фонемы»[7].

На наличие в говоре особых функциональных единиц /ѣ/ и /ω/ может указывать доступность их восприятия не только для собирателей, но и для отдельных диалектоносителей, которые способны заметить особенности фонологической системы своего говора, а также говоров окрестных деревень и выявлять значимые структурные различия между ними. Например, один из наших информантов, родившийся в с. Крутое Старооскольского р-на Белгородской обл., но многие годы проживший в селе Солдатское, расположенном всего в нескольких километрах от Крутого, обратил наше внимание на основное отличие между этими диалектными системами. По его словам, «в Солдатском говорят “мягко”: [к°у͡от], а в Крутом — “твёрдо”: [кот]». Дифтонгичность реализаций фонемы /ω/ в сочетании со значительной лабиализацией согласных перед ними, замеченные информантом в говоре жителей с. Солдатского, прямо указывают на хорошо сохранившуюся архаическую систему ударного вокализма, которая отсутствует в говоре жителей с. Крутое. Подобные примеры «имеют прямое отношение к восприятию носителями говоров языковых фактов на фонологическом уровне», а слова, иллюстрирующие характерные черты «своего» и «чужого» говоров, «приобретают вид как бы фонологических формул»[8].

Специфика диалектных различий в структуре «трапецоидов» гласных при семифонемной системе вокализма выявлена в известной статье С. С. Высотского[9]. Разновидности состава гласных представлены в этой работе с некоторой степенью условности и не исчерпывают того многообразия, которое обнаруживается при дальнейшем изучении архаических говоров. Они дают лишь общее представление о структурной сложности семифонемной системы, отражают функциональные связи и возможные способы распределения ее значимых элементов на синхронном уровне. Для диахронической интерпретации изменений, которые происходят в различных русских вокалических системах, необходимо комплексное исследование основных звукотипов, характерных для русского диалектного языка в целом и для южнорусского наречия в частности.

Анализ образцов диалектной речи свидетельствует о высокой вариативности характеристик гласных, реализующих /ѣ/ и /ω/, что может выражаться, во-первых, в изменении их формантных областей, во-вторых, в различных соотношениях между компонентами неоднородных вокальных образований — дифтонгов или дифтонгоидов. Появление этих вариантов может быть обусловлено комбинаторным воздействием фонетического контекста (место образования или мягкость / твердость соседнего согласного), фразовой позицией, особенностями артикуляционной базы говора, а также сосуществованием в пределах одного говора нескольких фонологических подсистем.

---

[7] *Журавлев В. К.* Диахроническая фонология. М., 1986. С. 155–156.

[8] *Высотский С. С.* Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1977. С. 14.

[9] *Высотский С. С.* Определение состава гласных... С. 5–82.

1. Данные большинства архаических систем вокализма свидетельствуют о том, что основными реализациями фонем /ѣ/ и /ω/ в южнорусских говорах должны быть признаны восходящие дифтонги [ие͡] и [уо͡]: *б*['ие͡]*дно*, *д*['ие͡]*душка*, *д*['ие͡]*лали*, *у с*['ие͡]*нцах*; *об*[уо͡]*рки*, *зах*[уо͡]*дишь*, *за ст*[уо͡]*л*, *скул*[уо͡] ('часть печи') и др. Передний дифтонг обычно произносится после мягких и перед твердыми согласными, а также на конце слова. Среднее значение $\bar{F}_1$ первой части дифтонгов типа [ие͡] составляет 390–470 Гц, второй части — 520–600 Гц; среднее значение F_2 первой части — 2300–3000 Гц, второй части — 1900–2700 Гц; то есть второй компонент этого гласного образования всегда характеризуется сближением зон наибольшей концентрации энергии.

Дифтонги типа [уо͡] с последовательным понижением подъема гласного образования и незначительным изменением по ряду обычно произносятся на месте фонемы /ω/ после твердого и перед твердым согласными, а также на конце слова. Среднее значение $\bar{F}_1$ первой части этих дифтонгов составляет 430–500 Гц, среднее значение F_2 — 760–920 Гц. Зачастую формантная структура начального *у*-образного элемента характеризуется «одновершинностью», слиянием $\bar{F}_1$ и F_2 в области 470–650 Гц, что отражает сильную степень его лабиализации. Средние значения $\bar{F}_1$ и F_2 второй части дифтонга составляют 540–700 Гц и 1000–1400 Гц соответственно; этот элемент обычно локализуется в зоне среднего или средне-нижнего подъема и заднего или средне-заднего ряда (при наличии следующего твердого согласного), при этом степень упередненности последней фазы дифтонга прямо пропорциональна уровню понижения ее подъема. Дифтонг [уо͡] всегда характеризуется максимальной сближением зон наибольшей концентрации энергии в первой части и их значительной удаленностью во второй.

Первые компоненты дифтонгов [ие͡] и [уо͡] обычно не отличаются ни по слуховому впечатлению, ни по формантным характеристикам от аллофонов фонем /и/ и /у/. При этом значения $\bar{F}_1$ начальной фазы дифтонга [уо͡] несколько превышают аналогичные значения дифтонга [ие͡], что отражает соответствующие отношения между основными реализациями фонем /у/ и /и/ (эта особенность связана с известной ассиметричностью «трапецоида» гласных, обусловленной особенностями «строения ротовой полости и возможности движений языка»[10]).

Последняя фаза дифтонгов на месте /ѣ/ и /ω/ также не отличается от характерной части монофтонгов, реализующих фонемы /е/ и /о/. Данные говоров различной локализации свидетельствуют о том, что звукотип средне-нижнего подъема [ɔ] на месте /о/ широко распространен во всех архаических диалектных системах, различающих под ударением семь гласных фонем, что, по всей видимости, обусловлено особенностями исторического развития[11]; однако гласный средне-нижнего подъема [ɛ] в соответствии с фонемой /е/ — довольно редкая диалектная черта. Система с гласными 2-й ступени подъема, локализованными в средне-нижней зоне, встречается «как малоустойчивый тип вокализма ... обычно при наличии в других слоях говора еще иных, менее сложных типов вокализма»[12].

[10] *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 33.
[11] *Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983. С. 35–36.
[12] *Высотский С. С.* Определение состава гласных... С. 79.

Данная особенность, по-видимому, также обусловлена спецификой артикуляционного пространства: при наличии «одинакового числа фонем в передней и задней сериях зоны безопасности оказываются уже в задней области, чем в передней, и этим частично объясняются различия в поведении этих двух серий»[13].

Несимметричность по уровню подъема, свойственная основным реализациям /е/ и /о/, характерна и для вторых компонентов соответствующих дифтонгов; приблизительно в половине случаев дифтонг на месте фонемы /ω/ завершается гласным средне-нижнего подъема [ɔ]. В том случае, если в говоре в соответствии с фонемой /е/ отмечено произношение звука [ɛ], последняя фаза дифтонга [и͡е] также может локализоваться в средне-нижней зоне, что зафиксировано, например, в селах Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл. и Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.: *оболб*[’и͡ɛ]*ла* (*оболбѐть* ‘остолбенеть’), *д*[’и͡ɛ]*ти*, *из л*[’и͡ɛ]*са*, *гор*[’и͡ɛ]*ла*.

Скольжение тембра гласных образований [и͡е] и [у͡о] происходит за счет постепенного понижения подъема с плавным нарастанием интенсивности. Их начальные *и*-образный и *у*-образный участки, как правило, составляют не менее половины общей длительности дифтонга, подобное количественное соотношение между фазами дифтонгов на месте /ѣ/ и /ω/ можно признать характерной чертой архаических южнорусских говоров[14]; при этом максимум интенсивности приходится на второй элемент звукового комплекса, что и создает его слоговость. Таким образом, в большинстве южнорусских диалектных систем неоднородный гласный, реализующий фонемы /ѣ/ и /ω/, характеризуется восходящей силовой структурой, а также сильноконечным образованием.

Отмеченная архаическая особенность отличается относительной неустойчивостью и принадлежит к быстро деградирующим чертам русских диалектов. Во-первых, гласные образования на месте /ѣ/ и /ω/ могут иметь не один, а два пика концентрации силы, что характерно для истинных (или равновесных) дифтонгов. Во-вторых, они могут отличаться резким возрастанием интенсивности в начальных сегментах гласного и дальнейшим поддержанием высокого уровня на всем протяжении его звучания, что обычно свойственно аллофонам /е/ и /о/. Смена локализации силовой вершины дифтонга обусловливает значительное увеличение фонетической выраженности его первого компонента.

Нарушение динамической структуры звукового комплекса нередко сочетается с изменением его тембральных свойств, а также модификацией слоговой структуры фонетического слова. Например, истинные дифтонги, репрезентующие фонему /ω/, могут иметь в своем составе элементы, которые отличаются друг от друга не уровнем подъема, а степенью продвинутости: [ɔ͡о], [ɔ͡о]; эти сложные гласные, как правило, отмечаются в позиции после переднеязычных согласных (*нар*[ɔ͡о]*д*, *пот*[ɔ͡о]*п*, *белгор*[ɔ͡о]*дская*).

Кроме того, истинный дифтонг представляет собой ужé не целостный звуковой комплекс, составляющий один слог, а сочетание двух отдельных слоговых гласных. Хиатус, возникший внутри морфемы, в дальнейшем устраняется либо

[13] *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. С. 132.

[14] *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. С. 380.

за счет консонантизации первой части дифтонга (*о*[xwó]*та*, [kwo]*нь*)[15], либо за счет появления между его частями эпентетического неслогового сегмента — краткого неопределенного по тембру глайда, что отражает тенденцию к закреплению в этой позиции слоговой границы. Все эти факты свидетельствуют об общей деградации старой системы дифтонгов.

2. Особенно часто звуковые комплексы, наиболее полно представляющие шкалу последовательной смены ступеней подъема, отмечаются в сильной фразовой позиции: при выделенности слова. Под влиянием ритмико-просодических условий неоднородные гласные на месте /ѣ/ и /ω/ получают большее растяжение и становятся полифтонгами типа [ие͡ɛ] или [уо͡ɔ] (*л*['ие͡ɛ́]*су*, *карт*[уо͡ɔ́]*шку*), последний наиболее открытый участок которых обычно образуется в зоне средне-нижнего подъема. В некоторых южнорусских говорах происходят еще более значительные тембральные изменения ударных гласных, что также связано со значительным просодическим выделением слова и обычно фиксируется в конце речевого периода в позиции ауслаута. В этом случае звуковые комплексы, реализующие фонемы /ω/ и /ѣ/, могут достигать в завершающей части *а*-образного тембра иногда с оттенком редукции в последних фазах гласного: *ведр*['и͡эа], *молок*[уо͡а]; при этом *а*-образная часть обычно произносится с более ослабленной артикуляцией, чем предыдущие *э*-образный и *о*-образный сегменты, на которые и приходится силовая вершина соответствующего полифтонга.

Значительное изменение ряда у гласных образований, реализующих фонему /ω/, отмечает в среднерусском окающем говоре с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. А. В. Тер-Аванесова. Она пишет: «Фонема /уо/ представлена восходящими дифтонгами типа [ẏо] с варьирующейся длительностью *у*-образного элемента, причем одновременно с понижением подъема к концу звучания происходит также продвижение гласного в средний ряд и даже утрата огубленности, так что "дифтонг" нередко оканчивается звуком типа "шва": [уоъ]»[16].

В южнорусских говорах заметное продвижение по ряду звуковых комплексов, реализующих фонему /ω/, обычно возможно в двух случаях. Во-первых, как результат значительного растяжения гласного под влиянием фразового контекста, что было описано выше. Во-вторых, как комбинаторное изменение, способствующее приспособлению артикуляции конечного элемента гласного к артикуляции следующего за ним мягкого согласного или [и̯]. В этом слу-

[15] Аналогичная модель монофтонгизации представлена и в некоторых северных по происхождению украинских (речь идет об украинских говорах Воронежской области, которые являются северными по своему происхождению, так что запятые не нужны) говорах Воронежской обл., долгое время развивавшихся в отрыве от материнских диалектов. Формы *Двен* 'Дон', *квень* 'конь', *свель*, *свіль* и *свиль* 'соль', *снвеп* 'сноп', *ствел* 'стол' (см. *Бескровный А. М.* Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 317; *Авдеева М. Т.* Словарь украинских говоров Воронежской области. Т. 2. Воронеж, 2012. С. 194, 195, 215) представляют рефлексы дифтонгов [ує], [у͡и], [у͡і], широко распространенных в полесских говорах на месте **о* в новом закрытом слоге. *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980. С. 45.

[16] *Тер-Аванесова А. В.* Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1 (3). С. 151.

чае последняя фаза полифтонга образуется в зоне среднего, передне-среднего или даже переднего ряда: значение F_2 может достигать 1800–2100 Гц. В качестве примера можно привести следующие формы, записанные в различных архаических системах: *засл*[у͡о̞ɛ̞]*нь* ‘печная заслонка’, *нак*[у͡о̞ɛ̞]*сють*, *к вор*[у͡о̞æ]*нькиным* (фамилия), *кол*[у͡о̞ə]*тють*, *прих*[у͡ɔ̞ɛ]*дя*, *ув*[у͡о̞e]*дють*, *на друг*[у͡ɔ̞æ]*й*, *сх*[у͡ɔ̞e]*дють* и др. Наиболее открытые передние гласные в рекурсии полифтонгов на месте /ω/ отмечаются в тех южнорусских системах, где основной аллофон фонемы /о/ локализуется в зоне средне-заднего ряда средне-нижнего подъема и имеет слабую лабиализацию (значение F_1 может достигать 750 Гц, F_2 — 1400 Гц), что характерно, например, для говоров Кирейкова Ульяновского р-на Калужской обл. и Отскочного Хлевенского р-на Липецкой обл.

3. Иногда фонемы /ω/ и /ѣ/ реализуются дифтонгоидами [у͡о̞] и [и͡е̞] с незначительным изменением тембра: *на бол*[у͡о̞]*те*, *б*[у͡о̞]*льше*, *наг*[у͡о̞]*ю*, *м*[у͡о̞]*й*, *б*[’и͡е̞]*лим*, *б*[’и͡е̞]*гать* и др.; их *у*-образная и *и*-образная части обычно не превышают 30% общей длительности звука, на слух эти гласные воспринимаются как монофтонги средне-верхнего подъема. Подобные дифтонгоиды с неконтрастным противопоставлением частей, одна из которых значительно преобладает над другой, представляют собой переходные звукотипы и появляются в результате постепенной монофтонгизации соответствующих дифтонгов.

Этот процесс протекает с разной степенью интенсивности во многих архаических южнорусских говорах. Практически в любой вокалической системе фонемы /ω/ и /ѣ/ могут реализоваться не только дифтонгами, но и различными монофтонгами, особенно часто однородные гласные фиксируются в безакцентных участках высказывания, при отсутствии выделенности слова. Кроме того, гласный, реализующий фонему /ѣ/ между мягкими согласными, имеет тенденцию к повышению уровня образования; не случайно в некоторых диалектных системах в указанном положении произносится исключительно звук верхне-среднего подъема [е̞], что может быть характерно как для сильной, так и для слабой фразовых позиций. Эта особенность особенно ярко проявляется при наличии в говоре упередненной артикуляционной базы.

Последовательное развитие процесса монофтонгизация дифтонгов на месте /ѣ/ и /ω/, как правило, приводит к деградации семифонемной системы вокализма. Поскольку фонемы как верхне-среднего, так и среднего подъемов воплощаются в монофтонгах, их зоны рассеивания значительно сокращаются. Это требует более сильного напряжения речевого аппарата при произнесении соответствующих аллофонов, что входит в противоречие с развивающейся в большинстве южнорусских говоров тенденции к уменьшению напряженности артикуляционной базы[17]. В результате происходит наложение зон рассеивания /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/, то есть начинается постепенный переход к системе вокализма, различающей три степени подъема.

Однако даже при наличии в диалектной системе всего пяти гласных фонем, в сильных (чаще — в «гиперсильных») фразовых позициях могут сохраняться следы прежнего распространения семифонемной системы вокализма: произно-

[17] *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика... С. 131–139.

шение на месте этимологических фонем /ѣ/ и /ѡ/ «полноценных» дифтонгов [ие͡] и [уо͡]. Подобная особенность характерна, например, для курских говоров: по материалам Н. А. Волковой, «дифтонгический след» этимологических фонем верхне-среднего подъема «встречается по всей Курской области довольно часто в широкоупотребительной бытовой лексике <...> преимущественно при эмфатическом произношении»: *рабуо͡тəл'и*, *хəрашуо͡*, *т'ижалуо͡*, *н'ие͡ту*, *л'ие͡тəм*, *хл'ие͡бə* и др.[18]

В ряде диалектологических работ утверждается, что для некоторых архаических южнорусских систем в соответствии с фонемами /ѣ/ и /ѡ/ характерно исключительное употребление монофтонгов верхне-среднего подъема [ẹ] и [ọ]. Так, Е. С. Клейменова отмечает в говоре с. Кирейково на месте /ѣ/ и /ѡ/ «особые закрытые напряженные звуки [ẹ] и [ọ]», но одновременно пишет о полном отсутствии в этой позиции дифтонга [уо͡] при единичных случаях появления дифтонга [ие͡][19]. По данным Ю. Т. Листровой, в говоре с. Отскочное «в единичных случаях отмечены пережитки *о* закрытого (под старым восходящим ударением) и *е* закрытого (на месте старого **ятя**): *кôт*, *пôт*, *сарóка*, *снêх*, *пêт'* и т.д.», при этом в соседнем с. Воробьёвка «наряду с *о* и *е* закрытыми произносятся <...> дифтонги (*пие͡ли*, *сние͡х*)»[20].

Однако магнитофонные записи диалектной речи, сделанные в этих населенных пунктах, свидетельствуют о том, что дифтонги и более сложные звуковые комплексы на месте /ѣ/ и /ѡ/ характерны как для говора с. Кирейково, так и для говора с. Отскочное. Указание на бытование в диалектной системе с семью гласными фонемами (или со следами их былого различения) «пар дифтонгов *уо͡*, *ие͡* и пар монофтонгов *ọ*, *е* более соответствует реальному положению дел, чем категорическое утверждение, что говору свойственно употребление лишь какой-то ограниченной комбинации»[21].

4. Противопоставление монофтонгов на месте фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ может последовательно проводиться лишь в тех говорах, которые сохраняют напряженную артикуляционную базу. Ранее зависимость между высокой степенью напряженности артикуляции и стабильным сохранением семифонемного вокализма была описана для некоторых севернорусских говоров Вологодской и Кировской областей[22]; подобная особенность отмечена также в говоре Кирейкова Ульяновского р-на Калужской обл.

---

[18] *Волкова Н. А.* Фонетика говоров Посемья. История и современное состояние. Череповец, 2003. С. 61–67.

[19] *Клейменова Е. С.* Говоры южной части Калужской обл. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956. С. 62, 87.

[20] *Листрова Ю. Т.* К изучению курско-орловского диалекта (говор с. Отскочного Дмитряшевского р-на Липецкой обл.) // Уч. зап. Кишиневского гос. пед. ин-та. Т. 4 (серия гуманит. наук). Кишинев, 1955. С. 200.

[21] *Высотский С.* С. Определение состава гласных... С. 15.

[22] Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина [Приложение №1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Москва — Бохум, 1991. С. 210–215.

В 1956 году Е. С. Клейменова отметила в местной диалектной системе «факты употребления особых закрытых напряженных звуков *ê* и *ô*», она приводит следующие примеры: *двôр*, *кôт*, *балôта*, *салôма*, *мнôуа*, *прамалôл*, *акнô*, *γôлай*, *у γарôт* (=в огород), *сл'апôй старýх'и*, *с'им'анôý*, *п'арô*; *д'ê̄ла*, *н'ив'ê̄ста*, *ст'ê̄нка*, *jê̄хат'*, *ч'илав'ê̄к*, *скв'ê̄рна*, *р'ê̄тка*, *да св'ê̄ту*, *на м'ит'ê̄л'и*, *м'ê̄д'и*, *м'ê̄с'ицаý*, *св'ê̄ш'ку*, *р'ê̄жы*[23]. Материал, собранный в 2009 году, свидетельствует о том, что в говоре с. Кирейково и сегодня представлена достаточно последовательно выдержанная семифонемная система вокализма. Основными аллофонами фонем средне-верхнего подъема должны быть признаны монофтонги [ę] для /ѣ/, [ǫ] для /ω/, эти звуки, наряду с дифтонгами и дифтонгоидами, отмечаются как в сильной, так и слабой фразовых позициях: *хл*['ę́]*ба*, *д*['ę]*д*, *м*['ę́]*ста*, *сн*['ę́]*г-то*, *об в*['ę́]*тку*, *не пов*['ę́]*рите*, *д*['ę́]*лать*, *не зар*['ę́]*зали*, *б*['ę́]*женцы*, *с*['ę́]*яли*, *нас*['ę́]*яно*, *отд*['ę́]*льно*, *загн*['ę́]*тка*, *жел*['ę́]*зной*, *понед*['ę́]*льник*, *сос*['ę́]*дки*; *к*[ǫ́]*нчил*, *к*[ǫ́]*сишь*, *не п*[ǫ́]*мню*, *не х*[ǫ́]*четь*, *вор*[ǫ́]*чала*, *по в*[ǫ́]*семьдесят*, *н*[ǫ́]*виков*, *на лад*[ǫ́]*нь*, *раб*[ǫ́]*ты*, *за ст*[ǫ́]*л*, *на дв*[ǫ́]*р*, *кор*[ǫ́]*вам*, *хор*[ǫ́]*шие*, *похор*[ǫ́]*нен*, *помол*[ǫ́]*же*, *под*[ǫ́]*ить*, *стан*[ǫ́]*вють*, *лут*[ǫ́]*шки* ('куски липовой коры, лыка'), *об*[ǫ́]*рками* и многие др. По данным спектрального анализа, основные аллофоны соответствующей пары имеют симметричный уровень подъема: среднее значение $\bar{F}_1$ у этих гласных составляет 450–560 Гц для [ǫ], 430–540 Гц для [ę].

Результаты сравнения данных 1956 и 2009 гг. указывают на то, что процесс монофтонгизации дифтонгов, реализующих /ѣ/ и /ω/, протекает в говоре жителей с. Кирейкова на протяжении длительного времени, однако он не привел к общей деградации семифонемной системы вокализма, что свойственно многим другим русским вокалическим системам. Этот факт обусловлен одной отличительной особенностью говора: наличию более напряженной артикуляционной базы, что проявляется в некоторых звеньях местной фонетической системы. Во-первых, здесь функционируют апикальные переднеязычные согласные *т*, *д*, *н*, *l*, которым свойственна бóльшая напряженность, чем дорсальным[24]. И хотя сегодня в речи жителей Кирейкова отмечаются лишь следы апикальной артикуляции переднеязычных (более последовательно — у представителей старшей возрастной группы), очевидно, что еще в недалеком прошлом апикальные согласные были широко распространены в местных говорах.

Во-вторых, с высокой степенью напряженности произносятся глухие согласные: **а)** заднеязычный взрывной согласный *к*, что приводит к его спирантизации: *к^х^ôс'им*, *пəлəтк'^х'и* (=платки), *з^ə^а кə̄ə̄к^х^ôоə̄* (=за какой), *вʌстǫ̇к'^х'иеǣ* (=востоке) *каез'ęєл'ск^х^*, *пəтаʌлуоэ̄к^х^*; **б)** некоторые другие взрывные согласные на конце слова (на это указывает появление гласного пазвука или придыхания): *пəт^ə^* (*под* 'нижняя поверхность в печной топке'), *малəкəзавǫ̇т^ə^*, *прə̄ə̄йдоут'^ə^*, *н'и ч'ис'т'цт'^є^*, *нəкрəвайўт'^ў^*, *вот^h^*; **в)** переднеязычный фрикативный *с*, что иногда

[23] *Клейменова Е. С.* Указ. соч. С. 62, 86.

[24] *Кузнецова А. М.* Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости–мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1969. С. 59–60. *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика... С. 136–137.

приводит к его аффрикатизации: *цаб'и̂е́*, *ц вəраб'jö̱wк'и*, *цвад'ба*[25]. Кроме того, повышение интенсивности и напряжения некоторых звонких согласных в анлауте приводит к их оглушению перед гласными или сонорными: *с тл'и̇нəм'и*, *сна̇иш*, *т'е̇н'ишк'и* (=денежки), *хо̇рлушкə̣*.

Наконец, при значительной степени напряжения произносятся и гласные, что отмечается не только в слоге под ударением, но также в 1-м предударном и в заударном конечном слогах. В частности, об этом свидетельствует появление в описанных позициях неоднородных звуков: долгих двуморных гласных, а также дифтонгов и полифтонгов, произношение которых требует более сложной работы артикулирующих органов, чем произношение монофтонгов за то же время. Как известно, расщепление «напряженных гласных на два компонента является типичным источником дифтонгов»[26].

Сохранению последовательного противопоставления фонем /ѣ/ ~ /е/ и /ω/ ~ /о/ в местном говоре также способствуют, во-первых, наличие звукотипов [ɛ] и [ɔ] на месте /е/ и /о/, что поддерживает значительный контраст между гласными 2-й и 3-й ступеней подъема, во-вторых, сочетаемость фонем /ѣ/ и /е/ с согласными различного фонологического качества: /С'ѣ/ и /Се/: *б*['е̣́]*женцы*, *об в*['е̣́]*тку*, *понед*['е̣́]*льник*, *за т*['е̣́]*м*, *тар*['е̣́]*лку-ту*, *загн*['е̣́]*тка*, но *п*[ɛ̣́]*чка*, *в*[ɛ́]*чером*, *д*[ɛ́]*ньги*, *ст*[ɛ́]*лешь*, *наюр*[ɛ̣́]*ишь* (=накроишь), *жн*[ɛ́]*вка*.

5. Фонема /ω/ может употребляться не только после твердых, но и после мягких согласных, а также после отвердевших шипящих. Эти случаи, как правило, отмечаются в суффиксах и флексиях и «могут быть объяснены как явившиеся по аналогии»: *плеч*/'ώ/, *бель*/jώ/ (как *сел*/ώ/), *горяч*/'ώ/, *хорош*/ώ/ (как *тепл*/ώ/)[27], *селезн*/'ώ/*в*, *вороб*/jώ/*в* (как *петр*/ώ/*в*), *земл*/'ώ/*й*, *семь*/jώ/*й* (как *сестр*/ώ/*й*), *на ч*/'ώ/*м* (как *на т*/ώ/*м*) и т.д.[28]. Эта особенность не ограничивается только суффиксами и окончаниями, а распространяется также и на некоторые корни: *т*/'ώ/*тка*[29], *т*/'ώ/*пло*, *б*/'ώ/*рдо*. Первые две формы широко распространены не только в южнорусских (калужских, рязанских, липецких, воронежских, тамбовских), но и в севернорусских говорах. Форма *б*/'ώ/*рдо* (бёрдо) зафиксирована только в говоре жителей с. Кирейково и не подтверждается другими материалами.

[25] Эти формы можно рассматривать и как гиперкорректные, появившиеся в результате отхода от соканья.

[26] *Кодзасов С. В.*, *Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001. С. 430.

[27] Форма *вс*/'ω/, возможно, также появилась под влиянием подобных примеров с /ω/ в ауслауте. С. В. Бромлей считает, что источником аналогии в данном случае стало произношение *т*/ω/ (*Бромлей С. В.* Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по «Программе» // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. Вып. 5. М.-Л., 1949. С. 42). Однако наличие фонемы /ω/ в местоимении *то* характерно далеко не для всех русских говоров.

[28] *Васильев Л. Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о происхождении звука *о* в великорусском наречии [Сб. по рус. языку и словесности. Т. 1. Вып. 2]. Л., 1929. С. 23.

[29] По мнению А. В. Тер-Аванесовой, появление /ω/ на месте **е* в форме *т*/'ώ/*тка* объясняется «влиянием типа *вώдка*». *Тер-Аванесова А. В.* Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. 3 (9) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 84.